

Глава 9. Отправление

Люди в имении Чэнь после отъезда столь именитого гостя, наконец, возобновили свою работу. Около десятка слуг, не пожелавших пойти на юг, начали загружать свои ручные тележки той небольшой частью вещей и риса, которые семья не взяла с собой и пожелала отблагодарить своих работников.

К тому же, наконец, прибыли грузовые повозки из конюшни, не слишком броские, но крепкие и вместительные. Те, что обычно использовались для торговых караванов, равно как и сытые выносливые кони, запряженные в них. В поместье было несколько повозок, но они были исключительно для господ. Украшенные и слишком хрупкие для долгого путешествия. Впрочем, не все.

Наиболее удобную и вместительную выбрал для себя Чэнь Жун, он лично осмотрел колеса, ступицы, ось. Ему в ней предстояло провести не один день, а потому туда сразу загрузили все необходимое для относительно комфортного путешествия. Ранее ей, видно, пользовался отец для своих деловых поездок по окрестным поселениям. Ее нельзя было назвать богатой, но она была основательна и главное – уже приспособлена для подобных поездок. Тут была и жаровня, и место для раскладного стола, и место для отдыха. К стенкам в специальные кожаные петли крепились сундуки для того, что должно было быть под рукой. Еще одна подобная вместительная повозка была отобрана для служанок, а мужчинам предстояло занять места в грузовых повозках.

После того, как Чэнь Жун раздал свое богатство, для перевозки оставшейся части его имущества потребовалось всего десять больших караванных грузовых повозок, помимо тех, что были предназначены для людей. Отдельно шли и домашние – кузнец с семьей на двух повозках, поскольку он взял переносную наковальню и инструмент, плотник, он был одинок и компанию ему составили два симпатичных подмастерья, и несколько конюхов из конюшни его брата. Все они считались его работниками, о чем срочно подписали договор. Иначе в караван их бы никто не взял. А узнав, что семью Чэнь пригласил следовать с собой клан Ван, отбоя от таких желающих теперь не было. Однако Чэнь Жун не спешил их брать, поскольку за каждого он нес ответственность.

Он срочно отправил своего осведомителя «с дна» в Павильон опавшей сливы с табличкой, чтобы женщины могли воспользоваться оставшимися повозками и припасами с одного из складов, управляющий которого намеревался утаить его содержимое. Часть все же удалось забрать по списку, но люди с дна точно вытрясут остальное. Все же женщина была к нему добра. Так же он послал ей письмо, в котором советовал все же покинуть Пинг как можно скорее. Ушлому деду было поручено помочь женщинам и следовать с ними сразу в Цзянкан.

Остальные десять повозок были грузовыми. Три из них использовались для хранения продовольствия и шелка, одну заполнила его одежда и личные вещи, а оставшиеся шесть были доверху набиты бамбуковыми рукописями, манускриптами и свитками. Часть из них была упакована в сундуки, часть завернута в тюки. Наиболее ценные свитки заняли место в хозяйских сундуках в его повозке. Он рассчитывал изучить их в свободное время.

В прошлой жизни Чэнь Жунь использовала только один экипаж для хранения книг - книг, в которых отец спрятал золотые пластины. В остальные слуги загрузили еду, одежду, предметы роскоши и быта.

Это стало ее ошибкой.

Когда она прибыла на юг, её поступок назвали вульгарным, и это клеймо стояло на ней все последующее десятилетие. Ученые мужи критиковали ее за то, что она наполнила свои повозки, по их мнению, разной бессмысленной ерундой, вместо того, чтобы взять драгоценные книги. Хотя особую ценность оставленного ей уже доходчиво показал Чэнь Жун. Думается, что подобным образом книги использовал не только ее отец. Он не слишком верил всей этой показушной праведности, видя ее зрением эмпата. И откровенно подыгрывал. Порой на грани фола, как в беседе с Ван Циланом. Причем тот его игру прекрасно понял и принял, играя в ответ.

Но в эту эпоху «удерживания лица», когда даже воздух был пропитан «элегантностью и вежливостью», клеймо вульгарности легко могло разрушить будущее аристократа, не говоря о женщине. За десять лет после приезда на юг, несмотря на использование всех имеющихся средств и ухищрений, А Жунь не так и не смогла восстановить разрушенную репутацию.

Впрочем, Женя отметил, что та была по-своему практична, даже эмансипирована. Но не слишком умна, не исключено, что просто молода, в 15 не так просто собрать караван и привести его в конечную точку. Он с умилением выслушивал с полчаса ее возмущения тем двуличием, связанным с осуждением ее выбора аристократами, ведь по сути ее называли не «вульгарной», а элементарной дурой, которая не смогла понять обычных для этой среды уловок. А значит, была этого круга недостойной. К чему везти рулон шелка, когда на «культурное» содержание одного свитка можно купить их несколько? Да и ту же мебель она не догадалась разобрать с помощью плотника.

Было уже слишком поздно. Во дворе разожгли факелы, не прекращая работу.

Он только что изучил второй свиток подаренный настоятелем. И теперь, учитывая иносказательность, разбирал манускрипт одного из 12 отцов Дао. По сути, там говорилось, как работать с личностным пространством, и как оно связано с объемом и состоянием ядра. Пронести вещи можно было, просто коснувшись их бусиной и задействовав при этом глифу на груди.

Он тут же опробовал это перенес с женской половины кровать с наваленным на ней женским барахлом, заботясь о сестрице.

Перенос получился, но такое ложе определенно пока некуда там было ставить. Но Чэнь Жунь просто визжала от восторга.

Затем он перенес пару фурако с их печами, в любом случае - следовало озаботиться в этом месте подобным. К этому добавился шкаф, низкий отцовский обеденный стол со стульями, на

этом он понял, что больше ничего перенести не может. Ценные вещи переносить он пока опасался, поскольку не был уверен, что перенос получится полноценным. Теперь следовало понять, через сколько его способность перемещать восстановится.

Вечером охрана крепко закрыла все ворота поместья. Несмотря на частую смену ночных сторожей, незваные гости за всю ночь так и не появились. Слухи о том, что молодой господин Дома Чэнь раздал свои богатства, быстро распространились по городу в течение дня. Нужно было быть слепым дураком, чтобы полезть грабить то, чего итак почти не осталось. Да еще и в бодрствующий дом.

Ночь прошла спокойно и быстро.

Чэнь Жун успел все же выгнать несколько пилюль, не самых чистых, но главное, он испытал алхимический котел и остался очень доволен. Он мало походил на обычный котел, скорее на приплюснутое яйцо, поставленное на треногу. Этот котел нагревался магически, активируя внутри сложные реакции и преобразуя то, что в нем находилось. Эфир преобразовывал материалы, сплавляя их, удаляя нежелательные примеси. Свои пилюли, эликсиры и зелья он всегда готовил сам. Конечно, уровень пока был не ах, но все же уже что-то на крайний случай.

А еще у него был растворенный в крепком алкоголе коралл. Точнее его крошка. У них это адское пойло именовали Живицей. Употребляли только в крайнем случае во время серьезных операций. Когда было необходимо особенное напряжение. Откат от него у обычных людей был не слабый, одаренным это давалось легче, и вызывало скачок силы. Помогало для прорывов на новый уровень возможностей.

Бутыл с ценной настойкой была помещена в сундук, а малая фляжка заняла место на поясе. Он уже много раз пожалел о своей бездонной сумке, но оставалась недоступной. А на нынешнем уровне создание подобного артефакта ему пока не по силам. И так ему несказанно повезло с кольцом, не говоря о подарке настоятеля.

Он сам подготовил одежду себе в дорогу. Не слушая причитаний нянюшки. Лично уложил сундуки в своей повозке и повыкидывал некоторый лишний хлам, набранный слугами. Распорядившись, чтобы те лучше взяли себе те же вещи, но из числа хозяйских, тех, что остались, поскольку тут их всяко разграбят. Раздал мужчинам из запасников все оружие, забрал всех лошадей. Часть будет запасными, да и сам не собирался все время сидеть в шницзюй

Рано утром, когда он медитировал, Дом Ван прислал слугу с сообщением, что они будут ожидать Дом Чэнь у южных ворот.

В момент прихода слуги, люди как раз закончили загружать свой багаж. Чэнь Жун сел в запряженную лошадьми повозку, бросил последний взгляд на опустевший дом и направился к месту встречи. Слуги, не спавшие со сборами всю ночь, наконец, устроились вповалку в своих повозках.

Улицы уже в это время были битком набиты экипажами. В шуме и гаме люди стремились покинуть город через южное направление.

Когда повозка Чэнь Жун ехала по улице, люди время от времени поворачивали головы, чтобы взглянуть на сидящего внутри юношу. До его ушей изредка доносились отголоски чужих разговоров.

— Это же Сяо Жун из Дома Чэнь...

— Ах, какой красавчик...

— Я слышала, что вчера он раздал богатство своей семьи слугам. Посмотрите на его скромный экипаж! Огромное наследство теперь вмещается всего в десяток повозок. Значит, слухи не врут?

— Конечно, это правда. Даже сам благочестивый Ван Цилан нанес личный визит в имение Чэнь. Это все видели!

— Только в такие переломные моменты, во времена кризиса, можно увидеть истинную природу человека. Я слышал, что, несмотря на свой юный возраст, молодой господин Жун из Дома Чэнь ценит свою честь превыше денег. Это очень трудный выбор. Не каждый сможет его сделать. Знакомая одной служанки из его дома говорила, что он везет главное — библиотеку своего отца. А все готовые одежды, мебель и утварь раздал слугам. Ах-ах, какая праведность!

Чэнь Жун мягко улыбнулся и задернул занавеску. Надоели.

Скоро его повозка подъехала к южным воротам. Здесь он увидел процессию клана Ван, состоящую из множества личных и грузовых повозок, над которыми развевались яркие флаги. Колонна растянулась так далеко, что не хватало взгляда, чтобы охватить ее полностью. Это было действительно впечатляющее зрелище.

Когда прибыла семья Чэнь, около двадцати человек верхом приблизились к головной коляске.

— Вы ли А-Жун из Дома Чэнь?— спросил один из подъехавших, в красивой одежде и на статном жеребце, прядущим ушами.

Обращение «А-Жун из Дома Чэнь» распространилось среди народа как лесной пожар еще день назад. В прошлой жизни этот человек обязательно назвал бы А Жунь просто «Чэнь сяо-цзы». Или даже еще проще и пренебрежительнее.

Женя отодвинул занавеску и ответил:

— Да, это я.

Обратившийся к нему человек был молод и прекрасен лицом. На плечи он накинул длинный фиолетовый плащ. Парень засмеялся и заметил, бросив оценивающий взгляд на Женю:

— Я вижу, что Вы и в правду очень красивы. Душевное содержание соответствует внешней красоте. Поскольку у Вас очень мало людей, ваши повозки должны встать в середине колонны. Так будет безопаснее.

На юном лице Чэнь Жуна появилась благодарная улыбка. Сидя в повозке, он подабающе склонил голову и произнес с достоинством:

— Благодарю Вас, сянь-шен Улан.

Ван Улан, глядя на него своими блестящими глазами, покачал головой.

— Цилан сказал мне, что Сяо Жун из Дома Чэнь, несмотря на все свое благородство, очень изящный и веселый юноша. Я не ожидал, что Вы будете так церемонны.

Говоря это, он снова покачал головой, выглядя очень разочарованно.

[Младший брат встретился с героем и сказал старшему брату, что у Чэнь Жуна очень легкая и веселая натура. Но, когда старший брат лично с ним встретился, он оказался совсем не забавным, а скорее чопорным мальчишкой, пусть и вправду очень хорошеньким.]

Не раскрывая губ, Чэнь Жун слабо улыбнулся. Он почти не спал в эту ночь. Но, черт возьми, даже тени под глазами ему шли. На слова Ван Улана он прикинул:

"Но и ты не одаренный Ван Цилан. Если я не покажу достаточное знание этикета перед тобой, то меня начнут сторониться, как необразованного!"

Под руководством Ван Улана повозки семьи Чэнь влились в середину колонны. У Дома Ван было так много фургонов, что даже если захочешь, не сможешь увидеть, где они заканчиваются. По сравнению с ними, Дом Чэнь выглядел довольно жалко.

Когда шэнцзюй становился в колонну, до него невольно дошли слухи о том, что множество небольших семей хотели присоединиться к Дому Ван. Многие из них даже предлагали предметы, ценность которых была, по мнению обывателей гораздо выше разбитого коралла Чэнь Жуна, но все предложения были высокомерно отвергнуты. Что и требовалось доказать.

Хотя сейчас уже непонятно, что сыграло ключевую роль, его поведение или то, что Ван Цилан опознал его, как одаренного.

Как только их повозки заняли свои места, колонна тронулась с места, покидая обреченный город, и сразу же набирая высокий темп. Из-под копыт лошадей летела пыль, и скоро их повозки окружило серое облако, скрывая их от взглядов, оставшихся в городе людей.

Чэнь Жун оглянулся, чтобы посмотреть на городские стены, очертания которых стремительно удалялись. В воспоминаниях А Жунь кочевники в течение месяца будут штурмовать город. Они будут грабить, насиловать и убивать тех, кто так и не решился уехать, а затем сожгут его дотла.

Он жил в городе Пинг с рождения в течение пятнадцати лет, но отныне это место станет лишь названием в его памяти. Только ночью в своих снах он когда-нибудь снова увидит знакомый двор и его обитателей. Его младшая часть немного печалилась и одновременно он жаждал нового и неизведанного. Ему еще не доводилось покидать Пинг, хотя он постоянно просил отца взять его с собой в его путешествия. Но тот брал его брата, уже взрослого.

Размышляя об этом, Чэнь Жун тихо вздохнул. Надо понимать, первый этап его пребывания в этом мире завершился. Можно сказать, что с положительным знаком. Он смог вывезти все ценное из того, что оставалось, создал свой имидж, и вроде как получил даже покровителя. Последнее сомнительно, но вероятно. Он не знал, по какому принципу складываются отношения между омегами. Дела одаренных обычно не афишировались. В кланы светская власть не лезла, там были свои законы. Что Ван Цилан его определил, он не сомневался. Но судя по поведению его брата, лишнего ничего не сказал, иначе тут уже бы был ажиотаж. Альфы стремились к обладанию омегами, поскольку это было напрямую связано с их могуществом вне источников. К тому же, вроде как обладание омегой было особо изысканным удовольствием. Но с другой стороны культ омег еще вроде не создан...

— Почему Вы вздыхаете? — смех Ван Улана раздался неожиданно близко.

— В моем сердце печаль, потому что я никогда больше не увижу это место, — тихим голосом ответил мальчик. — Ранее мне не доводилось его покидать.

Ван Улан замолчал. Он хотел пригласить того на верховую прогулку, конечно, пацан маловат возрастом, но, если верить слухам, а он верил кузену, весьма неординарен. Однако тот сам ненавязчиво напомнил о своем возрасте. Следовало вести себя в его обществе как принято, иначе подобное может быть осуждено. Он мог только поблагодарить пацана за предупреждение, вольное или невольное.

Со значительным видом он, как старший, принялся громко выдавать надлежащие наставления, прописанные в трактате о путешествиях. Что, несомненно, было воспринято окружающими с одобрением. Проезжающие верхом мимо них старшие члены клана цокали языком и одобрительно качали головами.

Спустя четыре часа с начала путешествия Ван Улан, исчерпав все требования этикета, обязательные для хозяина, попрощался с юным господином и вернулся в начало колонны. Где получил вполне одобрительный и гордый взгляд отца, уже осведомленного о его праведном

поведении.

Чэнь Жун закрыл глаза, чтобы передохнуть. Достал его этот Улан своими прописными истинами. Издалека доносился смех девочек Дома Ван. Эти юные девушки были воспитаны в уединении; как они могли бы увидеть мир, находясь в заточении своих покоев? Хотя то, что сейчас происходило, являлось бегством, в девичьих сердцах это было самым захватывающим путешествием в их жизни.

А Жунь фыркнула в сознании, окрестив тех курицами и чванливыми снобками. Вероятно, для такого были основания. Но он был с этим вполне согласен, чему та порадовалась и выдала порцию комплиментов и комментариев заинтересованных взглядов Улана в его сторону. Последнее повергло Женю в недоумение. Он ничего «такого» не заметил. Но с другой стороны, женский глаз куда более цепкий на мелочи. Потом сообщила, что у него вырос показатель «очарование» и непонятное для этого времени: «сексуальность».

<http://erolate.com/book/1285/36058>